

Оглавление

Пролог	3
Глава 1	30
Глава 2	50
Глава 3	70
Глава 4	83
Глава 5	100
Глава 6	119
Глава 7	148
Глава 8	170
Глава 9	183
Глава 10	200
Глава 11	218
Глава 12	231
Глава 13	244
Глава 14	254
Глава 15	265
Глава 16	275
Глава 17	286
Глава 18	299
Эпилог	309

Пролог

Лондон

Апрель 1800 года

Марлоу Дрейк по прозвищу Торн, устало прислонясь к колонне, со скучающим видом наблюдал за гостями бала. Бал в честь получения Марлоу титула герцога Торнсток — отсюда и прозвище — давали в знаменитом Девоншир-Хаусе, что после перестройки 1733 года стал главным украшением лондонской Пикадилли. Марлоу творение знаменитого архитектора в модном неоклассическом стиле не впечатлило. По правде говоря, его в столице вообще мало что впечатляло. Насколько лучше он чувствовал бы себя здесь, будь рядом с ним его сестра-близнец Гвинет — Гвин, как он всегда ее называл. Увы, на просьбу Марлоу вернуться в Англию вместе с ним она ответила отказом, и сейчас он мог вести с ней лишь воображаемый диалог. Торнсток представлял, как потешалась бы Гвин, глядя на столичных модников, чьи туго накрахмаленные и хитроумно закрученные краваты делали их удивительно похожими на лишенных шеи неуклюжих пингвинов. И еще они с Гвин могли бы развлечься, заключив пари, кто из присутствующих напьется первым и первым станет всеобщим посмешищем. Да, Гвинет было бы здесь весело.

А рядом с ней и Торн бы повеселился.

Видит бог, он ужасно скучал без нее. До сих пор они были неразлучны, и Марлоу по сей день обижал тот факт, что Гвин, провожая его в плавание, совсем не выглядела огорченной. Он же не находил себе места ни на пароходе, ни здесь, в Англии. Марлоу и представить не мог, что здесь, на родине предков, ему будет так одиноко. Он, черт возьми, англичанин и по рождению, и по воспитанию! В Берлине, где он жил почти с рождения — родился он все же в Англии, — Марлоу никогда себя своим не чувствовал, и потому тешился надеждой на то, что, попав в Англию, тут же мысленно воскликнет: «Вот мой настоящий дом!»

В реальности же его окружали чужие запахи и странные вкусы: от подаваемого по утрам слугами водянистого кофе, похожего цветом на мутноватую жижу, до непонятной жидкости, которую он пил сейчас. Эта жидкость лишь отдаленно напоминала портвейн, но до того портвейна, что он пил в Пруссии, этому напитку было далеко, как до Луны.

— Как тебе нравится наша ярмарка невест? — поинтересовался, подойдя к нему, его единоутробный брат по прозвищу Грей. — Но, кажется, тебе не с чем ее сравнить? Ты ведь прежде не бывал на такого рода мероприятиях, верно?

Флетчер «Грей» Прайд, сын герцога Грейкорта, имевшего счастье — или несчастье — быть в числе пятерых мужей Лидии Флетчер, приходившейся матерью как Марлоу Дрейку, так и Грею, вернулся в Англию в десятилетнем возрасте. Старший сын герцога, он должен был научиться всему, что потребует от него титул, когда придет время. За пятнадцать лет,

проведенных в Англии, он вполне здесь освоился, в отличие от Торнстока, проведенного в стране всего шесть месяцев.

Торн ни за что не позволил бы старшему брату догадаться о том, что ему здесь не по себе.

— И это вы называете ярмаркой? — насмешливо протянул Торн. — Здесь и не пахнет настоящим торгом. Где хитроумные мамыши, отчаянно стремящиеся сбыть с рук залежалый товар? Где они — ловкие охотницы за простаками?

Грей рассмеялся в ответ.

— Если приглядеться пристальнее, можно заметить и хлопотливых мамаш, и кокетливых бесприданниц. Но здесь немало наследниц и, пожалуй, папаш, подозревающих потенциальных женихов во всех смертных грехах, не меньше, чем пронырливых мамаш.

— Тогда, наверное, я должен радоваться тому, что Гвин со мной не поехала, — резюмировал Торн. — Нам с отцом хватало забот в Берлине, когда мы, словно назойливых мух, отгоняли от Гвин охотников за приданым.

— Здесь, вместе со мной, нас было бы трое — все легче, — заметил Грей и, подняв глаза, добавил: — Гвин оценила бы роспись потолка. И не только. Она сделала бы не одну зарисовку этого дома и снаружи, и изнутри. До сих пор не возьму в толк, почему она отказалась ехать с тобой, — сказал Грей и, пристально посмотрев на Торна, спросил напрямик: — А ты знаешь?

— Она сказала, что должна помогать матери.

— Чепуха! Мама в состоянии сама о себе позаботиться. К тому же у нее есть Морис, который на нее не надышится. Нет, у Гвин была другая причина.

Торн догадывался, как зовут эту «причину». Как бы там ни было, Гвин ему душу не открывала, а сплетничать о сестре с Греем Торн не желал.

— Кстати, а что на ярмарке невест делаешь ты? — сменил тему Торн.

Грей помрачнел.

— Я проиграл пари.

— Вот как? И на что же вы играли?

— Я должен остаться здесь до полуночи или пока меня не представят леди Джорджиане.

— Ты о дочери графа Девоншира? О той самой, что дебютировала в этом сезоне?

— О ней самой.

— Тогда тебе не придется торчать тут долго, — заключил Торн. — Тебя представят ей в числе первых.

— Как и тебя. Или ты забыл о своем высоком статусе?

— Нет, не забыл. — Как мог он забыть, когда, стоило ему появиться в зале, как все вокруг принялись с ним раскланиваться и присесть в реверансах.

— Никогда не забывай о том, кто ты такой, — снисходительно напомнил ему Грей. — Помни, что вокруг полно охотниц, мечтающих лишь о том, чтобы повесить твой герцогский венец к себе на стену в качестве трофея. Так что будь начеку!

— Можешь не сомневаться. Как только я увижу кого-нибудь из семейства Девоншир, немедленно сбегу.

— Но, советуя тебе держать ухо востро, я имел в виду вовсе не Девонширов. Они по статусу выше нас с тобой, и я не стал бы портить с ними отношения. Кто знает, быть может, мне придется обратиться к кому-то из них за помощью.

Торн подумал, что сбежать загодя было бы лучше, чем сесть в лужу, общаясь с могущественным герцогом или его женой. Хотя его уже представили Девонширам и они успели обменяться парой дежурных фраз, Торн очень боялся, что его незнание неписаных законов света сыграет с ним злую шутку. В Пруссии с английскими герцогами ему не доводилось общаться, поскольку он был единственным в округе с тех пор, как Грей уехал в Англию.

— Во-первых, у меня нет твоих амбиций, и, в отличие от тебя, я не мечтаю завоевать расположение половины королевства. А во-вторых, я вполне могу исчезнуть незаметно, если возникнет необходимость.

— Ты так думаешь, братишка? Оглянись вокруг, добрая половина юных леди уже положили на тебя глаз.

— Или на тебя? Когда его светлость с супругой будут представлять тебя своей дочери, внимание всех будет приковано к тебе одному, и моего отсутствия никто не заметит, — с усмешкой парировал Торн. — Я, как и ты, не тороплюсь жениться. Но это не значит, что я должен отказывать себе в удовольствии общения с какой-нибудь хорошенькой девицей, если она к тому же окажется еще и неглупой и занятой.

Торн услышал, как кто-то у него за спиной хмыкнул, но, оглянувшись, никого не увидел. И решил, что ему почудилось.

— Если верить тому, что я слышал о Джорджиане, — нахмурившись, сказал Грей, — она не отличается ни умом, ни сообразительностью. — Судя по всему, герцогиня и внешностью, и умом превосходит дочь.

— Досадно! Я хочу сказать, что тебе, наверное, досадно. А ты бы женился на ней только ради ее связей?

— Нет, одних только связей для брака мало. Но, если слухи не подтвердятся и она окажется хорошенькой умницей, тогда отчего бы и не жениться? — Грей с улыбкой посмотрел на Торна. — В моей жене все должно быть прекрасно, и на меньшее я не согласен.

«И скорее всего, — подумал Торн, — так оно и будет, когда Грей решит остепениться и обзавестись семьей». Грей отличался притягательной романтической внешностью: сине-зеленые глаза, точеные черты лица и черные кудри, которые всегда выглядели слегка растрепанными, словно он только что выбрался из чьей-то постели и может вернуться туда в любой момент, стоит только захотеть. Увы, к несчастью для прекрасных дам, в выборе невесты Грей был очень разборчив.

— Вот поэтому ты до сих пор не женат, — наставительно сказал Торн и, пригубив таинственную жидкость, плескавшуюся в его бокале, брезгливо поморщился. — Ты слишком высоко задрал планку.

— Как ты можешь это пить? — спросил у Торна Грей.

— Я все пытаюсь понять, что это такое. По вкусу напоминает портвейн, но гораздо слабее и слаще. И потом, едва ли портвейн стали бы предлагать дебютанткам на балу.

— То, что ты пьешь, называется негус — пунш, который англичане изготавливают из сильно разбавленного портвейна и тех специй, что окажутся под рукой. И я, сколько ни пытался приучить себя пить его не морщась, так и не преуспел за многие годы.

— Какое низкое коварство! — воскликнул Торн, ища глазами лакея, которому мог бы передать недопитый бокал, но вместо лакея увидел приближающихся к ним герцога и герцогиню Девоншир. — Кажется, пора делать ноги, — добавил Торн. — Хозяева дома идут к нам.

— Я вижу, — кивнув, сказал Грей. — С герцогом я неплохо знаком, но с его супругой и дочерью буду общаться в первый раз. Говорят, герцогиня изумительная женщина. Ты уверен, что не хочешь остаться?

— Как-нибудь в другой раз, — уклончиво заметил Торн.

В его возрасте — Торну только-только исполнился двадцать один год — о женитьбе думать было рано. Ему бы самому не утонуть в коварных водах лондонского высшего света, а о том, чтобы брать на борт жену, и речи не шло. Но Торн еще не настолько близко сошелся с Греем, чтобы признаться ему в этом.

Между тем Девонширы остановились неподалеку, чтобы пообщаться со знакомыми, и Торн, воспользовавшись моментом, скользнул за колонну, где в лихорадочном поиске выхода на балкон столкнулся с кем-то из гостей и пролил негус на жилет.

— Проклятье! — воскликнул Торн, раздраженно глядя на растекающиеся уродливые красные пятна. — Почему вы не смотрите, куда идете?

— А почему не смотрите вы? Я-то стояла здесь и никого не трогала.

Торн поднял глаза на говорившую и увидел перед собой хорошенькую девицу с возмущенно горящим взором. Как и многие юные леди, она была в белом шелковом платье, но вырез ее платья украшала вы-

шивка золотыми нитками, и эта вышивка невольно привлекала внимание к пышному бюсту. А Торну нравились полногрудые женщины.

Он тут же сменил тон.

— Простите меня, — сказал он. — Я был неправ. Я не хотел вас обидеть. Мне самому следовало быть внимательнее.

— Да, ваша светлость. Вам ужасно приспичило спрятаться от леди Джорджианы — милейшего создания, к слову сказать.

— Вы, надо думать, подслушали наш с братом разговор, — с недовольной гримасой сказал Торн. В этом, как он полагал, и заключалась причина того, что принесенное им извинение не принесло желаемых плодов. Но Торн не считал нужным извиняться за то, что не хотел встречи с леди Джорджианой. С какой стати? И вообще, подслушивать чужие разговоры недостойно леди!

Достав носовой платок, Торн принялся тереть красное пятно на жилете.

Девушка мотнула головой, отчего светлые кудряшки, обрамлявшие ее лицо, подпрыгнули и метнулись из стороны в сторону.

— Так вы сделаете только хуже. Если пойдете со мной, я помогу вам его очистить.

— Правда? И как, скажите на милость, вы это сделаете?

— С помощью шампанского и бикарбоната натрия, — ответила она таким тоном, словно говорила с неразумным ребенком.

Торн был заинтригован.

— Что такое бикарбонат натрия и где вы намерены его раздобыть?

— Достану из своей сумочки, разумеется.

— Ах да, как я мог забыть? Все юные леди непременно носят с собой на бал бикарбонат, — с сарказмом заметил Торн.

— Все юные леди? А я думала, что такая привычка только у меня, — сказала незнакомка и тут же добавила, не дав Торну вставить слово: — Но если не поторопимся, пятна останутся на вашем жилете навсегда.

Этот жилет не был у Торна единственным и не принадлежал к числу его особенно любимых вещей, но оставаться на балу и танцевать в заляпанной одежде он не мог, и потому предложение девицы свести с жилета пятна показались Торну стоящим. И еще ему было бы любопытно понаблюдать за тем, как она будет творить чудеса с помощью шампанского и соды — если, конечно, бикарбонат и вправду имелся у нее в ридикюле.

— Тогда я в вашем распоряжении. Ведите меня, куда считаете нужным.

Девица кивнула, забрала у Торна бокал с негусом, заменив его оставленным кем-то на подносе бокалом шампанского, и повела его на балкон.

— Библиотека у Девонширов недалеко отсюда. Мы можем заняться этим в библиотеке.

Торн едва не спросил, чем конкретно она предлагает заняться в библиотеке. Эта хорошенькая девица всерьез собирается сводить пятна с его жилета? Или у нее на уме что-то более увлекательное?

Пожалуй, второй вариант был бы предпочтительнее. Судя по наряду девушки, она дебютантка, но что если ему очень повезло, и случай столкнул его с бойкой и не слишком щепетильной замужней дамой?

Дебютантки с мужчинами обычно ведут себя иначе: она бы флиртвала с ним, строила глазки, но

не потащила бы в укромный уголок. Однако в Лондоне девушки куда смелее, чем в тех краях, где вырос Торн. И гораздо менее предсказуемые. И не все здешние правила игры были ему знакомы.

Торн был пасынком британского посла в Пруссии, и ему полагалось вести себя прилично, то есть получать от жизни минимум удовольствия. Впрочем, за шесть проведенных в Англии месяцев он несколько расслабился, беря пример с приятелей одногодок. Но до сегодняшнего дня ни одна юная леди не приглашала его «пошалить».

Мысль о том, что Грей, возможно, прав и ему случилось встретиться с той самой охотницей за титулованным мужем, отчасти отрезвила Торна. Он решил, что не даст обвести себя вокруг пальца, хотя и отказывать себе в удовольствии не видел причины. Не так часто ему выпадала удача провести время наедине с приглянувшейся ему девицей без комплексов.

Выйдя на балкон через одну дверь, они вновь вошли в дом через другую, проследовали по почти безлюдному коридору, свернули в еще один пустой коридор...

— Раз уж вы вызвались спасти мой жилет, — сказал Торн, — я надеюсь, вы не откажитесь назвать свое имя. Позвольте представиться. Я...

— Я знаю, кто вы, сэр, — не слишком любезно перебила его незнакомка. — Здесь все вас знают. Моя подруга леди Джорджиана Девоншир указала мне на вас, рассказав, кто вы и откуда, как только мы с ней зашли в бальный зал.

— Но сказанного вашей подругой вам показалось мало, и потому вы решили подслушать наш с братом разговор? — заключил Торн.